

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Роман Лилии Геннадьевны

на тему: «Философия познания, деятельности и языка в ранней мимансе»,
по специальности 5.7.2. – История философии,
на соискание ученой степени кандидата философских наук.

Актуальность избранной темы. Исследование Роман Л.Г. обладает высокой степенью актуальности, оно посвящено реконструкции эпистемологических, лингвофилософских и герменевтических концепций ранней карма-мимансы, а также репрезентации этой школы в виде «философии действия». Классическая философская школа Древней Индии миманса представляет собой кладезь уникальных доктрин, разработанных в ходе полемик с иными школами индийской философии в сфере эпистемологии и философии языка, которые могут быть отдельно рассмотрены в контексте сравнительного анализа с современными подходами философии языка и эпистемологии западноевропейской традиции, где миманса способна привнести новые идеи в решении тех или иных философских проблем, которые эта школа мысли выстраивает на уникальной динамической методологии «действия» со свойственной для нее прагматической ориентации познания. Данное диссертационное исследование дает объемное описание данной методологической установки мимансы посредством реконструкции тех или иных концепций ее учения, что открывает новые углы рассмотрения главным образом современной эпистемологической проблематики, что представляет особую актуальность на сегодняшний день.

Также, помимо этого, как следует из изложения автора традиция миманса является малоизученной темой даже в западной индологии, а что касается отечественной индологии, то существует единственная систематическая работа по данной тематике – диссертация А.В. Пименова «Основные тексты древней Пурва-Мимансы (формирование, структура, концептуальные установки)» (1987 г.), что

только повышает достоинство данной работы. Следовательно, актуальность представленного на защиту диссертационного исследования не вызывает вопросов.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, видится высокой благодаря продуманности положений, выносимых на защиту, четкой определенностью методологии, логичности построения исследования, компетентному подбору источников, релевантных теме диссертации, а также благодаря аргументированности выводов, к которым приходит диссертант в результате проведенной им работы.

Достоверность и новизна исследования, полученных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации. Результаты исследования, проведенного Лилией Геннадьевной, носят достоверный характер: основаны на строгом историко-философском анализе с опорой на широкий круг источников, в частности, на санскритские первоисточники с последующим их переводом на русский язык.

Новизна исследования, проведенного диссертантом, заключается, во-первых, в уже отмеченном ранее переводе санскритских первоисточников на русский язык, тем самым обеспечивается введение в научный оборот важнейших текстов для российской индологии, во-вторых, в комплексном исследовании эпистемологических и лингвофилософских идей мимансы. В рамках последнего особенно хочется отметить, что представляет научный интерес данное диссертантом эпистемологическая доктрина мимансы сватах-праманья, которая рассматривается как доктрина-антагонист верификационистскому способу обоснования знания. И в-третьих, важно то, что она указывает на *практическую* направленность всякого познания в мимансе: знание здесь нужно не само по себе, а для освобождения из колеса сансары (то же самое, кстати, и в других индийских философских системах).

Значимость для науки и практики полученных автором результатов. Материалы, содержащиеся в исследовании, могут быть использованы для составления учебных курсов по философским, религиоведческим и культурологическим дисци-

плинам в высших учебных заведениях. Проведённая работа расширила научное поле исследований не только индийской философии, но и исследований в сфере эпистемологической и лингвистической проблематик. Некоторые полученные в диссертации результаты могут выступить заделом для дальнейшего исследования, направленного на изучение учения мимансы в ее исторической перспективе, а также для последующих компаративных исследований в сочетании с эпистемологией и философией языка западноевропейской традиции.

Конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов диссертации. Результаты и выводы диссертации, как уже было отмечено ранее, могут стать основой для дальнейшей научной работы диссертанта, поскольку имеют отношение к широкому проблемному полю, разработка которого является актуальной не только в рамках истории индийской философии, но и в рамках современных общепhilософских вопросов, в частности, вопросов современной эпистемологии и философии языка. Поэтому представляет большой интерес рассмотрение концепций мимансы также в рамках этого упомянутого контекста.

Содержание диссертации, ее завершенность. Диссертация состоит из четырех глав, разделенных на параграфы. В конце работы представлено приложение – перевод с санскрита на русский язык первоисточников традиции миманса. На наш взгляд, структура работы вполне соответствует ее цели и задачам.

Во введении обосновывается актуальность и новизна, формулируется объект и предмет диссертационного исследования, его цель и задачи, теоретическая и практическая значимость, методология исследования, а также определяются положения, выносимые на защиту. В первой главе работы представлен достаточно объемный историографический обзор учения мимансы. Далее, в последующих главах, со второй по четвертую, логично определены наиболее характерные и разработанные в мимансе три области философского мышления – эпистемология, лингвофилософия и, так называемая, «философия действия». Последовательность решаемых задач подчинена четкой логике. На наш взгляд, строгость мышления автора, подкрепляемая его способностью самостоятельно анализировать материал, делать на

его основании оригинальные умозаключения и обобщения, во многом способствовала получению результатов, обладающих ярко выраженной научной новизной.

Достоинства и недостатки диссертационного исследования. Данное диссертационное исследование обладает несомненными достоинствами: выполнено на высоком научном уровне; написано хорошим научным языком с соблюдением логики изложения; выбор, подача и обсуждение материала последовательны, обоснованы; проделана большая работа по изучению и интерпретации философских текстов на санскрите, что само по себе является нетривиальной задачей, а приводимые в работе фрагменты из санскритских произведений на русский язык переводятся впервые.

Особо стоит отметить анализ понятия самодостоверности познания (*svataḥ-prāmāṇya*), с. 32 – 34, 38, 47 – 49. По сути, речь об индийской теории познания и о том, что такое вообще знание. Сюда же примыкает и представление о неразрывной и «нечеловеческой» (*arauḥṣeya*, не установленной человеком) связи слова и вещи (с. 41 – 43). Для буддистов эта связь – *rauḥṣeya*, человеческая, более того – совершенно произвольная, и просветление (в махаяне) состоит, среди прочего, в понимании произвольности всех слов и словесных конструкций. То, что в махаяне называется *jñeya-avaṅga* (эпистемологическое препятствие к просветлению), и есть убеждение, что всякое слово и словесная конструкция непременно имеют референт в реальности. Нагарджуна же в «Коренных строфах о Срединном пути» (*mūlamadhyama-kārikā*) прямо говорит: тот, кто даже мои слова воспринимает как истину, не достигнет просветления. В буддизме любые учения – только инструменты, и само учение Будды – тоже, только оно освобождает, а другие учения закабаляют. В мимансе же слово и вещь связаны неразрывной связью, которая существует изначально (*сансара*, как известно, не имеет начала), и даже боги там, как известно, только эпифеномены ритуала и вне ритуала не существуют (абсолютно атеистическая система). Еще одно достоинство – сопоставление мимансы со взглядами индийских грамматистов (с. 97). Вербоцентризм проявляется и в понимании мимансиками структуры высказывания как централизованного вокруг глагола (с. 120 – 122).

К с. 104 можно заметить, что bhāvanā – это производное от каузатива: bhū «быть», bhavati «[он] есть», bhāvayati «[он] побуждает быть, возвращает» (каузатив). Видимо стоит обратить внимание, что ближе стоит перевод bhāvanā как «культивирование» или «пестование». Не то чтобы перевод bhāvanā как «порождающая энергия» был неверен (возможно, в мимансе он вполне точен), но отметить это стоит. Также следует зафиксировать обстоятельный анализ в диссертации теории причинности (с. 159 – 166).

Апробация выводов исследования вполне достаточна; обращает на себя внимание тот положительный факт, что результаты исследования представлены, помимо необходимых трех публикаций в рецензируемых журналах ВАК, также в двух статьях, проиндексированных в базе данных Web of Science. Помимо этого, результаты исследования были апробированы в рамках выступлений на 5 научных конференциях.

Однако, вместе с тем, нужно отметить и некоторые недостатки диссертации, которые не снижают общей высокой оценки проведенной работы:

1. В работе приводятся сопоставления идей мимансы с теми или иными взглядами западноевропейской философии, в частности, сопоставление лингвофилософских аспектов учения мимансы с теорией перформативов Дж. Остина. Здесь вероятно имело бы смысл провести более углубленный анализ такого сопоставления, и посвятить отдельный параграф/главу только вопросу соотношения идей мимансы с западноевропейской мыслью, что несет в себе большой интерес и потенциал для исследования.
2. Сопоставление мимансы и американского прагматизма достаточно смелое. У прагматистов познание тоже направляется целями и интересом, который влечет человека, но нигде у них нет речи о познании как о средстве «переправиться на Тот Берег», как у индийских мыслителей. Если это и прагматизм, то сугубо религиозный, так что применение этого термина возможно – но лишь с учетом того, что все индийские даршаны (кроме локаяты) имели своей целью выход из сансары.

